

Мы уже не раз писали о литературно-художественном альманахе «Человек на Земле». Сейчас готовится к выпуску 11 номер этого богатого талантами и в высшем смысле профессионального издания.

В конце 2018 года его главный редактор Татьяна Сурганова представила в Центральном Доме литераторов первую книгу из серии «Библиотека журнала «Человек на Зем-

ле»», посвященную Николаю Алексеевичу ШИПИЛОВУ (1946-2006), нашему автору (повесть «Псаломщик», № 23-2006, поэма «Прощайте, дворяне», № 7-1996, и пр.).

Сборник «ШИПИЛОВСКИЙ ТРАКТ. Портрет художника на фоне комендантского века» составлен из воспоминаний друзей и коллег замечательного мастера стиха, прозы и авторской песни.

Сергей ТРАХИМЁНОК Друг мой... Коля Шипилов

Мы познакомились в Новосибирске сорок лет назад.

В начале сентября 1978 года я был призван в армию как офицер двухгодичник. И служил, как сказали бы в девятнадцатом веке, в предместье Новосибирска. А в конце сентября того же года я приехал в город, в редакцию газеты «Молодость Сибири», чтобы получить гонорар за одну из своих статей.

Ехал в сквернейшем настроении. Срочную я служил в Москве в «королевской бригаде» и считал, что знаю армию. Но то, с чем мне пришлось столкнуться на новом месте службы, в стройбате, перевернуло все представления о службе вообще и о международных отношениях в частности.

В газете меня приняли как родного и тут же пригласили остаться на празднование дня рождения одной из сотрудниц. И все было уже готово к застолью, как появилась уборщица и заявила, что рабочее время кончилось, ей нужно убирать помещение, и если сотрудники «Молодежки» не освободят его, завтра она пожалуется главному редактору «Советской Сибири», который был фактическим хозяином здания.

Сотрудникам «Молодежки» ничего не оставалось делать, как перебраться на квартиру виновницы торжества. Но виновница была в центре внимания лишь до тех пор, пока не появился невысокий крепкий паренек с гитарой. И уже после первых его песен все забыли про то, что же явилось поводом к этому молодежному сборищу, а я забыл все свои неприятности.

Парнем с гитарой был Николай Шипилов — в то время сотрудник окружной военной газеты, поэт и исполнитель собственных песен.

Уже широко была распространена так называемая магнитофонная песенная культура, и песни московских бардов пела вся страна, но то, что услышали присутствующие, не было похоже на то, что все знали.

Это потом Коля станет человеком известным: лучшим рассказчиком России, лауреатом различных конкурсов: «Золотой граммофон», «Песня года». А тогда было странно слышать столь близкие и столь волнующие строки от парня, который так запросто прибежал на день рождения коллеги и так запросто захватил внимание присутствующих, коснувшись струн души, которые вряд ли могли затронуть московские барды.

Пять лет спустя один из столичных литературных мэтров сказал, впервые услышав Шипилова: «Я испытал эстетический шок».

Вот такой же шок испытал и я в тот осенний вечер семьдесят восьмого года прошлого века.

Его умение разглядеть, расслышать, показать что-то необычное в том обыденном, что походя видят и слышат, кажется, все: неожиданные сюжеты, незатасканые рифмы, инверсии; его голос и умение подыграть себе на гитаре — делали это исполнение настолько свежим и не похожим ни на одного известного барда, что оставалось удивляться, почему его до сих пор не знает вся страна.

Впрочем, сам Николай не любил слово «бард». Барды, говорил он, это тусовка людей со своим языком, своими взглядами на мир и песнями про резинового ежика с дырочкой в левом боку. Хотя, когда он нашел на прилавках книжного магазина в Москве книгу «50 лучших бардов России» и на букву «Ш» обнаружил две фамилии: Шипилов и Шпаликов, это его поразовало.

Спустя несколько лет после нашей встречи, когда он работал на новосибирском телевидении, у него случился конфликт с руководством, и Николай оттуда ушел. Но именно в те дни появилась на свет песня «Словно камень был, теперь — будто пепла горсть...»

Заканчивалась она словами:

*Словно тень креста, над собой я встал
И стою, я еще могу.
Здесь мои места,*

*Здесь мне пеплом стать,
Чтоб уже не лгать на бегу.*

Можно ли такому научить? Мог ли такой феномен появиться в результате пребывания в некоем учебном заведении? Скорее всего, нет.

Он в полном смысле был срезом культуры, — не в узком понимании этого слова, но культуры — способа существования, который определяется не общепринятыми ориентирами элиты вообще и творческой элиты в частности. А ценностями той части общества, которую мы называем народом. И прекрасно, что его не сломало и не деформировало образование. Он и Высшие литературные курсы при Литинституте окончил уже сформировавшимся поэтом и прозаиком.

Так и существовал он в Новосибире, обожаемый молодежью и студенчеством и не признанный коллегами-профессионалами. Скитался по общежитиям, куда его время от времени устраивали друзья и где жесткий ведомственный контроль тут же обнаруживал чужака, не работавшего и не учившегося в заведениях, коим принадлежало общежитие, и ему приходилось искать новое убежище.

Но в 1983 году удача улыбнулась ему. В Новосибирске проводился семинар молодых литераторов. Лариса Баранова-Гонченко вспоминает, что во время семинара услышала хохот в соседней аудитории, смех мешал ей проводить занятие. Она направилась туда и увидела парня, который сидел на тумбочке в валенках и читал рукопись своего рассказа, а слушатели катались по полу от смеха. Вечером этот парень пришел в гостиницу, где жили руководители семинара, с гитарой...

После того семинара Николай получил приглашение в Москву в ВЛК. В те времена в Литинституте все знали его песню о «пехотурушке», и ходило такое присловье: многие русские писатели девятнадцатого века вышли из голевойской «Шинели», а нынешние молодые поэты — из шипиловской «Пехоты».

Тема войны прошедшей и войн сегодняшних занозой сидела в его сердце. Он словно физически переживал и чувствовал боль России, боль погибших, продолжающих погибать ее сыновей. Но если в «Пехоте», одной из его ранних песен, он говорит об этом прямо, то в более поздних его стихах это подается читателю и слушателю совершенно иначе. Как, например, в песне «Я с покоса и домой...»

Получив признание московских критиков, Николай перебрался в столицу, уехал, как говорил он сам, «штурмовать Москву, поскольку все ее завоевывали по-разному: кто с мольбертом, кто со

скрипкой, а кто, как я, с гитарой да расказами».

Прошла перестройка, распался Советский Союз, наступил 1993 год. Николай оказался среди защитников Белого дома. Позже он написал об этом поэму «Прощайте, дворяне!».

*Мы шли, круша асфальт столицы,
Булъжник ныне не найти,
Стреляли в нас — не помолиться,
С асфальтным крошечком не слиться,
Чуть что — по счетчику плати.*

*И этот гибельный восторг,
Который так воспел Высоцкий!
Он в сердце жил и в силе плотской
И на губах польниво горк.
Когда огонь из крупняка
Открыли из покоев мэрских,
То нас, защитников имперских,
Уж было не унять никак.
«На штурм!» — кричали на агоре.
И мы пошли — себе на горе.*

Потом Коля скрывался от тех, кто проводил зачистку столицы и страны, ездил с концертами по России, бывая наездами в Беларуси, пока, наконец, не стал проводить там большую часть своего времени.

Слушать Шипилова было одно удовольствие. Пальцы его во время игры на гитаре были связующим звеном между инструментом и его голосом. Лет двадцать тому назад я сказал ему: «поставь» мне правую руку. Он посмотрел на меня хитро, словно рассчитывая, на что бы поменять ему свое мастерство, и сказал: а научи меня рукопашному бою.

С тех пор мы жили и общались как два персонажа известного анекдота. Я так и не «поставил» правую руку, а он не научился приемам рукопашного боя.

Уже сейчас понятно, что каждое событие в его жизни было связано с песней. Точнее, у него на каждое событие реакция была — стихи. Однако все это было настолько органично, что причинная связь «событие — песня» не была видна. Он сам, событие и песня существовали одновременно.

В последний раз мы встретились с ним в Минске 7 июля 2006 года. Он уезжал в Новосибирск, куда его пригласили председательствовать на конкурсе самодеятельной песни. По дороге обратно у него случился инсульт. Снял с поезда в Вязьме. Жена с помощью московских друзей перевезла его в Смоленск. Через какое-то время наступило улучшение. Но... 7 сентября его не стало.

Колю похоронили под Минском рядом с местом, где он жил последние годы.

*...Живу в деревне я под Минском
А дальше — больше: Польша, сейм...
Я родом с Южно-Сахалинска,
Что впереди планеты всей.
Ко мне правительства жестоки,
Я убежал едва-едва.
Была на Западе Москва,
И вот осталась на Востоке.
И тут и там я как чужак,
Мне в целом мире нет приюта.
Подобно чучке иль якуту
Я не способен сделать так,
Как представляется мне, плуту.
Вот здесь — земля,
Вот здесь — страна,
Вот здесь — мой дом,
Вот здесь — могила.
Вот здесь поют «Хава-нагила»,
А здесь «Нагила» не слышна.
...Мечты, мечты! Грусти, мечтатель!
Прости, доверчивый читатель.*

В сентябре 2006 года Татьяна Дашкевич везла гроб с телом Коли из Смоленска. Возле знаменитого Успенского собора находящегося в машине увидели двух удивительных людей. Они шли в гору, крестились и как будто кланялись проезжающей рядом с ними машине. Эти двое встреченных незнакомцев были необыкновенно статными, высокими, стриженными «под горшок», одетыми в какие-то простенькие длиннопольные наряды. Их лица были счастливы и ясны, волосы светлы и густы.

*И упал я, сгорел,
словно синяя стружка
От огромной болванки
с названьем народ.
И несут меня двое:
Дурак и Дурнушка,
Утирая друг дружке платочками пот.*

Коля ушел, но остались на Земле его герои.